

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КОРНИЛОВЩИНЫ

Н. Г. Думова

В последние годы появилось немало работ, посвященных истории корниловского мятежа и его разгрома. В этих работах широко раскрыто участие в контрреволюционном заговоре различных организаций и отдельных лиц, выявлены тайные замыслы тех, кто вдохновлял и поддерживал Корнилова. Настоящая статья отнюдь не претендует на всестороннее и последовательное освещение событий, связанных с корниловским заговором. Цель ее — указать на некоторые новые материалы (в том числе хранящиеся в ЦГАОР СССР), позволяющие полнее представить деятельность контрреволюционного лагеря, подготовку военного переворота и роль кадетской партии, а также внутреннюю атмосферу во Временном правительстве.

Среди этих материалов — подробные отчеты министров-кадетов (второго коалиционного правительства — Ф. Кокошкина и третьего коалиционного правительства — Н. Кишкина) Московскому городскому комитету конституционно-демократической партии (предположительно относящиеся к 1 сентября 1917 г.), рассказывающие об отношении к контрреволюционному мятежу в среде Временного правительства, об отчаянных попытках кадетских министров спасти заговор от бесславного крушения и любыми средствами добиться установления военной диктатуры в стране.

Немало ценных сведений содержат свидетельства активных пособников Корнилова, впоследствии белоэмигрантов: председателя Союза офицеров армии и флота подполковника Л. Новосильцева, члена Главного комитета этого союза капитана С. Ряснянского и председателя финансировавшей корниловское «предприятие» организации «Республиканский центр» народного социалиста К. Николаевского. Происхождение этих материалов, пространно повествующих о предыстории мятежа, следующее. Генерал Деникин, работавший в 1921 г. над книгой «Очерки русской смуты», обратился к некоторым непосредственным участникам заговора с просьбой написать об их участии в событиях, связанных с корниловщиной, и дать свою оценку причин и исхода этих событий. В ответ на обращение Деникина были написаны также два письма известного октябриста Н. Савича (от 26 октября и 24 ноября 1921 г.), сообщающие о переговорах Корнилова с представителями буржуазии¹. К перечисленным выше свидетельствам примыкает содержащее интересные признания письмо к Деникину дочери генерала Алексея Веры Борель от 11 апреля 1923 года. Эти материалы не предназначались для опубликования. Корреспонденты Деникина, преданного соратника Кор-

¹ Для освещения тактики кадетской партии в период корниловщины представляется целесообразным привлечь также неопубликованные воспоминания члена кадетского ЦК князя В. А. Оболенского «Моя жизнь и мои современники» и протоколы заседаний белоэмигрантских кадетских групп в 20-е годы.

нилова, сообщали ему многие факты и детали, которые ни в коем случае не пожелали бы предать широкой огласке.

Собственные признания деятелей контрреволюционного лагеря разоблачают преступный, антинародный характер корниловского заговора. О значении подобных саморазоблачений говорил В. И. Ленин в 1917 г. в лекции «Война и революция»: «...если собрать сейчас простые цитаты из... книжек Милокова и их послать на фронт, то не найдется ни одной зажигательной прокламации, которая произвела бы столь же зажигательное действие»².

Именно на эти материалы опирался (с анонимными ссылками) Деникин, описывая в своей книге деятельность офицерских организаций, «Республиканского центра», позицию буржуазных кругов и обстановку во Временном правительстве в период корниловщины. Однако, как показывает знакомство с подлинниками, они использованы в «Очерках русской смуты» в очень небольшой степени и чрезвычайно тенденциозно.

Еще бы! Ведь перед Деникиным стояла задача изобразить Корнилова «мучеником и творцом идеи возрождения России» — задача, с которой, даже по мнению его друга и единомышленника, видного кадета Н. Астрова, справиться было «мудрено». «Как пройти сквозь разочаровывающие факты,— писал Астров Деникину 28 декабря 1921 г.— и заставить сохранить представление о героической фигуре?» Деникин «справился» способом не столько оригинальным, сколько несложным. «Разочаровывающие факты» из представленных ему свидетельств он попросту отмел в сторону. Посмотрим, что же «осталось за кадром».

Начнем хотя бы с того, когда конкретно зародился заговор, когда впервые после Февраля стали объединяться силы контрреволюции. Заинтриговав читателя обещанием «приподнять покров этой тайны», Деникин заводит свой рассказ с июня 1917 года. Возникновение конспиративных офицерских организаций он связывает с неудачей июньского наступления под Львовом, вызвавшей стремление офицерства к «восстановлению боеспособности армии»³. Исследованиями советских историков давно доказана несостоятельность подобного утверждения. И показания непосредственных главарей тайных контрреволюционных сообществ, находившиеся в распоряжении Деникина, также полностью опровергают его концепцию. По свидетельству Новосильцева, первый акт деятельности армейских заговорщиков относился еще к апрелю 1917 г.— к периоду двух офицерских съездов: Петроградского и Могилевского. Собравшееся в Могилеве офицерство, как сообщает Новосильцев, узнав, что на съезде будут присутствовать солдаты, «часть которых требовала даже участия с правом решающего голоса», хотело разъехаться. «Между тем разъезд офицеров из-за участия солдат произвел бы весьма тягостное впечатление, и потому, скрепя сердце, решили работать под надзором солдат»⁴.

Именно здесь, в Могилеве, был создан «Союз офицеров армии и флота», с виду вполне невинная организация, нечто вроде Союза учителей, адвокатов или трамвайных служащих, а на деле логово армейской контрреволюции.

На съезде «чувствовалось,— подчеркивает Новосильцев,— что у офицерства живет какая-то решительная мысль». Эта мысль не замедлила найти словесное облачение, но не на трибуне съезда, а на состоявшемся в те же дни «очень секретном совещании» четырех подполковников —

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 92.

³ А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. II. Париж. 1928, стр. 25.

⁴ В свете этого признания Новосильцева полезным представляется напомнить ханжескую тираду, которой открывал съезд в Могилеве 7 мая генерал Алексеев. «Идеал наш,— восклицал он,— это слияние офицеров и солдат в одну дружную семью, в один общий союз» (листовка Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Пгтр. 1917, стр. 2).

Новосильцева, Лебедева, Пронина, Сидорина. На этом совещании было решено готовить почву и силы для того, чтобы верховный главнокомандующий генерал Алексеев стал диктатором, так как «только военная диктатура может спасти Россию». Последовал и ряд других тайных совещаний, в которых приняли участие есаул Родионов, капитаны Роженко, Ряснянский, поручик Кравченко. «Никакой политической программы не обсуждалось,— пишет Новосильцев.—...Я лично только высказывал сомнение в возможности видеть в России Учредительное собрание, в которого возможность никогда не верил».

Если даже принять на веру, что вопрос о будущей форме правления специально не дебатировался среди офицеров, то лишь потому, что и спорить было не о чем: каждый в душе оставался непримиримым монархистом. Это подтверждается и персональным приглашением на съезд яркого приверженца самодержавия Пуришкевича, проезд которого особо отмечается Новосильцевым. «Офицерство очень хотело послушать популярного депутата, но участие его на съезде, конечно, было невозможно. Но дать возможность ему говорить было необходимо. Был устроен в другом здании общественный митинг, где Пуришкевич говорил».

Сразу же после Могилевского съезда, несмотря на смещение Алексеева с поста Верховного главнокомандующего, началась практическая работа. Офицерство накапливало силы для будущего удара по революции. Члены Главного комитета Союза офицеров Новосильцев, Сидорин, Кравченко, Ряснянский занялись собиранием средств, поисками единомышленников. Они выезжали «во многие места по армиям, выясняли настроение, заводили связи». «Приезжали и к нам,— пишет Новосильцев,— выясняли и вступали в те или другие соглашения». Устанавливались контакты с офицерскими организациями во многих городах⁵. У всех этих организаций была одна линия: «необходима крепкая власть, и форма таковой власти мыслится в виде военной диктатуры». Между тем глава Временного правительства князь Львов и военный министр Керенский, по собственному признанию последнего, «дали свое благословение» Союзу офицеров и «делали все возможное, чтобы защитить его от атак левых демагогов»⁶. Недаром В. И. Ленин указывал, что само правительство положило «основание контрреволюционной организации (или по крайней мере сближению) генералов и офицеров действующей армии»⁷.

Однако замыслы озлобленного офицерства, вознамерившегося «спасти Россию», явились резким диссонансом общему настроению в армии. «Мы скоро увидели и поняли,— признается Новосильцев,— что мы одни». Посланцы Союза офицеров привозили с мест «сведения малоутешительные». Даже есаул Родионов, уполномоченный Главным комитетом завязать прочные связи с донским казачеством — оплотом и надеждой заговорщиков, вернувшись с Дона, сообщил, что хотя «старика казаки крепки» но молодежь, фронтовики «поддаются пагубной пропаганде».

Союз офицеров завел сношения с различными буржуазными политическими группировками, прежде всего с кадетами. Это вполне естественно, так как с первых дней Февральской революции большинство офицеров русской армии стало примыкать к этой партии⁸. Да и сам Новосильцев, принадлежавший к ее правому крылу, являлся членом

⁵ См.: Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром. Л. 1965, стр. 104. Как свидетельствует Ряснянский, предполагалось, что во время выступления во главе Киевской организации станет генерал А. Драгомиров (участие которого в заговоре не было раскрыто после провала мятежа), а начальник его штаба будет назначен из Ставки.

⁶ А. Kerensky. Russia and History's Turning Point. N. Y. 1965, p. 361. Оценку этой книги как источника см. С. Л. Титаренко. Мемуары «человека с того света». «Вопросы истории», 1967, № 12.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 62.

⁸ См. А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М. 1943, стр. 237.

кадетского ЦК. Во время июньского наступления он в Петрограде в Центральном комитете кадетской партии делал доклад «о гибели армии». «Меня поддержали,— сообщает Новосильцев,— Милюков и Ариадна Тыркова (член кадетского ЦК.— Н. Д.), которые сказали, что, по английским сведениям, русской армии уже нет»⁹.

Проекты контрреволюционного офицерства пришлось очень по душе лидерам кадетской партии. Со своей стороны, Милюков уже в начале июня вступил в личные переговоры об установлении военной диктатуры с адмиралом Колчаком (что стало известно Новосильцеву со слов самого Колчака). Эти контакты устанавливались в глубокой тайне. Милюков, по свидетельству Новосильцева, «тщательно скрывался... Ужасно боялся огласки»¹⁰.

Особенно охотно пошли на сближение с Союзом офицеров московские кадеты во главе с князем Павлом Долгоруковым. Долгоруков позднее так описывал свои убеждения того времени: «Единственной властью, которая теперь может спасти Россию, является диктатура... Кто бы ни являлся диктатором, но раз ему военная сила подчиняется и он может одолеть разбушевавшуюся стихию военной силой, он приемлем и желателен»¹¹.

Тогда же, в июне, Новосильцев вместе с Ряснянским делал доклад в Москве, в доме крупного промышленника Рябушинского, где к ним отнесли еще «более внимательно». Ряснянский также упоминает об этом посещении. Именно ему принадлежат слова, приводимые Деникиным в «Очерках русской смуты» со ссылкой на «одного из активных деятелей» Союза офицеров: «Русские общественные круги, в частности кадеты, обещали нам свою полную поддержку. Мы были у Милюкова и Рябушинского. И та и другая группа обещали поддержку у союзников, в правительстве, в печати и деньгами»¹². Офицеры вели переговоры и с лидером октябристов Гучковым. «Гучков,— пишет Новосильцев,— согласен был идти за кем угодно и с кем угодно, лишь бы спасти армию и Россию» (то есть подсесть под корень революции). «Как раз в это время разговоров и знакомств,— сообщает далее Новосильцев,— был прорван Юго-Западный фронт». 7 июля Корнилов, командовавший этим фронтом, послал свою известную телеграмму Временному правительству. Он угрожал сложить с себя полномочия главнокомандующего, если правительство откажется приступить к немедленной реорганизации армии, ввести смертную казнь и т. д. Союз офицеров незамедлительно выступил в поддержку столь импонировавших ему требований Корнилова, также отправив правительству составленную в чрезвычайно резких тонах телеграмму.

В связи с этой телеграммой 14 июля Новосильцев и Сидорин были срочно вызваны Керенским в Петроград для объяснения и наказания. Приехав в столицу, офицеры «немедленно по телефону вступили в переговоры» с начальником военного кабинета Керенского Барановским. Как рассказывает Новосильцев, они заявили, что «распекать» себя Керенскому не позволят, «и тогда ему лучше с нами не встречаться». Бара-

⁹ Видимо, именно об этом докладе упоминал позднее Милюков, хотя он относил его к более раннему времени: «За несколько недель до наступления о его возможной неудаче и об опасности всего предприятия предупреждал приехавший в Петроград из Ставки председатель Союза офицеров полковник Новосильцев» (П. Н. Милюков. История второй русской революции. Т. I. Вып. 2. София. 1922, стр. 52).

¹⁰ В июле 1917 г. В. И. Ленин писал, что контрреволюция объединяет кадетов с известными командными верхами армии, но кадеты «предпочитают действовать за кулисами» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 416).

¹¹ П. Долгоруков. Диктаторы. «Свободное слово», Кременчуг, 13. X. 1919. О настроениях московских кадетов того периода подробнее см. Н. Ф. Славин. Из истории политической подготовки корниловщины. «Труды» Петрозаводского государственного университета. Т. VII. 1957, стр. 38—51.

¹² А. И. Деникин. Указ. соч., стр. 33.

новский «старался объяснить, что Керенский идет теперь верными шагами к спасению армии». На вопрос, будут ли уничтожены солдатские комитеты, комиссары и восстановлена в армии прежняя власть начальника, Барановский ответил: «Да, но только это нельзя сделать сразу и не тем прямолинейным путем», который предлагался Союзом офицеров. Затем он попросил их приехать в Зимний дворец, где жил Керенский. Однако министр-председатель, как замечает Новосильцев, «видимо, избегал нас встретить». Уже во дворце Барановский сказал, что Керенский все передал через него и что они свободны. «Побоялся встретиться с нами, двумя подполковниками, Керенский!» — ехидно восклицает Новосильцев по этому поводу. Поведение Керенского тем более знаменательно, что, согласно его собственному признанию, в середине июля он получил сведения о «заговоре» «влиятельной части» Союза офицеров в Ставке¹³. По всей вероятности, именно этим, а не телеграммой Союза объяснялся вызов в Петроград Новосильцева и Сидорина. Убедившись, что хотя офицеры настроены более чем решительно, но не покушаются на свержение его с поста министра-председателя, а их программа реорганизации армии вполне соответствует его собственным тайно вынашивавшимся замыслам, Керенский отпустил заговорщиков с миром. Направляясь на следующий день на совещание в Ставку, он даже пригласил возвращавшегося в Могилев Сидорина ехать вместе с ним в его собственном поезде. «Разгневанный» министр-председатель и вытребованный им «для примерного наказания» подполковник дружески беседовали за ужином, и в течение этой беседы Керенский «ни единого слова об армии не сказал». В том же поезде ехал в Могилев и министр иностранных дел Терещенко, который в разговорах с своим уклончивому коллеге провел всю ночь в разговорах с Сидориным об армии. Тот рассказал ему, «что надо немедленно делать», по мнению Союза офицеров. «Терещенко, — свидетельствует Новосильцев, — с ним соглашался». Так закончилась встреча руководителей «Правительства спасения революции» с вожаками контрреволюционного Союза офицеров, в котором, по утверждению самого Керенского, «уже к началу августа сосредоточивались все нити заговора»¹⁴.

Описывая через несколько лет историю корниловского заговора, Миллюков заявлял: «Трудно установить, в какой степени и когда именно ген. Корнилов был посвящен» в планы заговорщиков¹⁵. Однако свидетельство Новосильцева вполне позволяет это сделать. Он подробно повествует о том, как произошло непосредственное сближение Союза офицеров с генералом, к которому с надеждой обращали теперь взоры все, кто жаждал задуть революцию. 18 июля Корнилов получил назначение на пост Верховного главнокомандующего. Уже через несколько дней после его приезда в Ставку Главный комитет Союза офицеров представился новому главноверху. «Когда все уходило, — рассказывает Новосильцев, — то я, Пронин и Сидорин замешкались, а затем я сказал Корнилову (с которым я вместе был в армейском училище, один выпуск 1892 г.), что надо еще переговорить. Корнилов прямо сказал, что он ожидал этого, что он не мог себе представить, чтобы мы сидели, видели гибель и не думали, как спасти армию, спасти Россию»¹⁶. «Власти я не ищу, но если тяжкий крест выпадает на мою долю, то что же делать», — фарисействовал перед благодарной аудиторией рвавшийся в диктаторы генерал.

Контакт был установлен полный, к удовольствию обеих сторон.

¹³ А. Ф. Керенский. Дело Корнилова. М. 1918, стр. 48.

¹⁴ «Последние новости», Париж, 21. II. 1937.

¹⁵ П. Н. Миллюков. Указ. соч., стр. 171.

¹⁶ В. И. Ленин писал, что в «момент, вызванных авантюрой наступления, военных поражений... особенно ходки фразы о спасении родины (прикрывающие желание спасти империалистическую программу буржуазии)» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 49).

Каждая из них нашла в другой совершенное понимание и сочувствие. Оставалось договориться только о конспирации. Было решено, что Новосильцеву надлежит как можно реже показываться в доме Верховного главнокомандующего, «дабы не внушать подозрений», а все сношения будут вестись через подполковника Пронина, офицера корниловского штаба, товарища председателя Союза офицеров. Теперь почетный председатель Союза офицеров армии и флота Алексеев отошел на второй план. Впрочем, как пишет Новосильцев, «насколько мне казалось, тогда уже было соглашение между Алексеевым и Корниловым, и мы должны были идти вместе с последним. Между ними конкуренции не было». Окончательный же договор состоялся, как сообщает Новосильцев со слов Корнилова, позднее — при свидании в вагоне последнего в дни московского Государственного совещания. При этом, как передает Новосильцев, Корнилов сказал Алексееву: «Ну, Михаил Васильевич, уж потом о первенстве не спорить!»¹⁷. Эти слова как нельзя лучше показывают цену лицемерного корниловского заявления о «тяжком кресте» власти. Обзаведясь, наконец, долгожданным вождем, столь созвучным его настроениям и, главное, готовым идти напролом¹⁸, Союз офицеров начал развивать бурную деятельность. «План был такой, — пишет Новосильцев. — В каждой дивизии образовать ударные батальоны, такие же ударные батальоны на узлах железных дорог. При попытке [выступления] большевиков — задавить их, уничтожить Петроградский Совет и затем заставить правительство признать военную диктатуру». Причем он особо подчеркивает, что «только при выступлении большевиков можно было рассчитывать на успех». Осуществить переворот, как отмечают и Новосильцев и Ряснянский, намечалось в октябре¹⁹; потом перенесли на сентябрь.

Главную свою силу заговорщики видели в конном корпусе генерала Крымова. На другие крупные соединения рассчитывать было трудно. «Мы получили сведения, — сообщает Новосильцев, — что ударные батальоны еще во время формирования разлагаются. Не было на что опереться».

В июле, как отмечает Новосильцев, для переговоров с Корниловым в Могилев приехал К. Николаевский, председатель организации «Республиканский центр», которая еще до назначения Корнилова Верховным главнокомандующим установила прочные связи с Союзом офицеров. О возникновении и деятельности этой организации подробно рассказано в имеющихся публикациях²⁰. Описание роли «Республиканского центра» в подготовке корниловщины самим Николаевским содержит дополнительные важные сведения.

«Уже через несколько месяцев после Февральской революции 1917 г., — пишет Николаевский, — в Петербурге стало ясно для людей практической складки, стоявших вне политики, что Временное правительство не способно удержать власть в своих руках и тем более руководить нарастающим движением. В конце мая и в начале июня ввиду этого было создано несколько частных совещаний, на которых присутствовали также представители военной среды, близкой тогдашнему пра-

¹⁷ Характерно, что Деникин в «Очерках русской смуты», приводя разговор Корнилова с Алексеевым (стр. 29), эту фразу опускает.

¹⁸ Это отличало Корнилова от Алексеева, которому, как замечает А. А. Брусилов, «не особенно доверяли ввиду его слабохарактерности и нерешительности» (А. А. Брусилов. Указ. соч., стр. 235).

¹⁹ Любопытно вспомнить в связи с этим сделанное много позднее признание Милюкова: «Я сам однажды сказал в шутку Каледину, что большевики пропадут 26 октября 1917 г. Ходила такая легенда» («Последние новости», 5.XII.1920). Естественно предположить, что эта «шутка» основывалась на реальных планах, к которым лидер кадетов относился в то время с полной серьезностью.

²⁰ См., например, В. Я. Лаврычев. Русские монополисты и заговор Корнилова. «Вопросы истории», 1964, № 4.

вительству. Совещания имели характер осведомительный, но все же дали толчок к образованию политической группы, которая впоследствии называлась «Республиканским центром». Группа эта стремилась «затормозить начавшееся стихийное движение», то есть революционную борьбу народа, под вывеской помощи Временному правительству²¹.

Организаторы центра были близки, по определению Николаевского, «к той части общества, которая делала в стране промышленность, торговлю, деньги. Она мало замечалась на поверхности русской жизни и, за редкими исключениями, вела свою работу спокойно, без особого шума». На показной же поверхности русской жизни, продолжает Николаевский, именно на политической сцене ее, фигурировали лица другой категории... разного рода общественные деятели. Появлялись они, действовали, шумели, теряли кредит, уходили и заменялись другими». Как отмечает Николаевский, к тому времени персонально в составе Временного правительства «общественное внимание» сосредоточивалось главным образом на Керенском, а его сотрудники «рассматривались как простые статисты»²². «Республиканский центр» решил поддержать Временное правительство потому, как объясняет Николаевский, что «создавать другое правительство было не из кого, а главное, не ко времени». Основная задача буржуазии состояла в том, чтобы приостановить непрерывно усиливавшуюся большевизацию масс. Торгово-промышленные круги, как и вся «цензовая Россия», панически боялись грядущей пролетарской революции.

Этот страх в равной мере испытывали и соглашатели. Недаром лидеры умеренных социалистов Н. Чайковский, которому Николаевский сообщил об организации «Республиканского центра», считал появление такой группы полезным «главным образом для борьбы с усилившимся большевизмом». Первые же декларации «Республиканского центра» и его собрания, по словам Николаевского, были направлены против большевиков. Распространялось огромное число прокламаций как в столице, так и в провинции. Кроме того, «Республиканский центр» вошел в соглашение с журналистом эсеровского толка В. Бурцевым, который как раз затевал в Петрограде свою газету «Общее дело». Руководители организации рассчитывали, что Бурцев «как социалист и, стало быть, более близкое по духу лицо к правительству окажет на него большее влияние, чем люди со стороны, и поможет «открыть слепым глаза». Вскоре Бурцев начал свою кампанию «страстно и самоотверженно»²³.

К лету 1917 г. «Республиканский центр» окончательно разочаровался в деятельности Временного правительства: «Как ни скептически относились его члены к творчеству социалистов и непригодности к моменту» кадетов, но «с практикой их работ в большом масштабе пришлось столкнуться впервые, и тут обнаружилось, что действитель-

²¹ Напомним, что В. И. Ленин писал весной 1917 г.: «...вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обесцением, сведением на нет Советов солдатских и рабочих депутатов, над созданием единовластия буржуазии» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 155).

²² В этой связи интересно следующее высказывание, принадлежащее самому Керенскому: «Имущая Россия не сама боролась, а искала борцов за себя, как в старину за себя рекрутов в армию ставили. Сначала она весьма «надеялась» на меня и курила мне финнам в пику «слабому» князь Львову. Она толкала меня к «сильной власти», к личной диктатуре, рассчитывая за моей спиной укрыться, а там уже и со мной справиться» (А. Ф. Керенский. Опыт Керенского (Россия 1917 — Франция 1936. [Париж. 1936], стр. 288). Ту же мысль можно найти в выступлении одного из кадетских лидеров, М. Аджемова, на заседании белоэмигрантского комитета кадетской партии в Париже 10 марта 1921 г. «Мы боялись,— констатировал он,— во время первой русской революции (имеется в виду Февральская.— Н. Д.) давать своих людей, выдвигая вместо этого Керенского».

²³ В. И. Ленин напомнил, что один из важных компонентов закулисной контрреволюции — это «подозрительная, получерносотенная пресса» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 416).

ность хуже ожиданий». Главное, что волновало явных и тайных руководителей этого центра, была неспособность правительства вести действенную борьбу против большевистской части Советов, против распространения в массах растущего влияния ленинских идей.

«Большевизм стоял еще на горизонте,— констатирует Николаевский,— но неудержимо рос и быстро приближался». Торгово-промышленные круги понимали, что, «не имея в сущности, ничего столь же яркого», как большевистская идеология (которую даже Николаевский вынужден признать «близкой и понятной толпе», то есть народным массам), нельзя было строить иллюзий о возможности легкой борьбы с ленинской партией. «Не желая уходить без сопротивления,— пишет Николаевский,— вопреки холодному расчету было решено в Комитете сделать попытку удержать Россию (то есть буржуазию и помещиков.— Н. Д.) от явной катастрофы, и единственным путем казалось, ввиду слабости правительства, ввести военную диктатуру... Надо было при этом создавать ее, приспособив к тому же незадачившему правительству, но все же сохранявшему еще некоторый кредит в толпе».

Комитет начал разыскивать кандидата в диктаторы, который подходил бы для этой роли по своим «личным качествам» и был бы хоть «сколько-нибудь популярен». Таким кандидатом намечался сначала адмирал Колчак. После своей отставки он пребывал в Петрограде, рассказывает Николаевский, и к нему обратился Комитет «Республиканского центра». Колчак сообщил, что уже слышал о подобном предложении²⁴. Он готов был, не колеблясь, его принять и интересовался лишь, располагает ли «Республиканский центр» достаточными денежными средствами и как определяются их взаимоотношения.

Николаевский специально оговаривает, что «в то время никакого вопроса об убеждении диктатора не ставилось, да и вопрос этот не мог иметь решающего значения». Колчак не затронул темы о будущем строе России: «Ему так же, как и Комитету, казалось совершенно излишним говорить об этом в то время». Эта оговорка вполне проясняет, каких принципов придерживалась организация, демонстративно начертывая на своем знамени слово «Республика». Что касается молчания до поры до времени, то этому испытанному маневру через несколько лет после описываемых событий дал «историческое» обоснование другой не менее пылкой поклонник монархии, видный московский кадет Н. Тесленко (которого, кстати, по свидетельству Новосильцева, корниловское окружение прочило в министры). На заседании белоэмигрантской кадетской группы в Париже 20 октября 1921 г. он заявил: «В политике нельзя сказать о чем-либо за пять минут до того, как это можно будет сделать. Тьер, убежденный монархист, выгонял коммунистов, не говоря ни того, что он монархист, ни того, что он республиканец».

После свидания с Николаевским Колчак начал бывать на совещаниях Комитета «Республиканского центра», куда специально приглашались «разные полезные лица», главным образом военные чины, и где совместно выработывался план действий²⁵. Однако сотрудничество с Колчаком продолжалось недолго: он вскоре уехал на Дальний Восток.

«Пришлось,— пишет Николаевский,— обратиться к следующему кандидату в диктаторы», генералу Корнилову. Тогда-то председатель «Республиканского центра» и совершил поездку в Могилев, о которой упо-

²⁴ Характерно свидетельство П. Струве, что он «несколько раз встречался именно весной и летом 1917 г. с Колчаком» в доме Родзянко. Струве видел в этом факте прямое доказательство «духовного участия» председателя IV Государственной думы в подготовке «белого движения» еще с лета 1917 г. (П. Б. Струве. Михаил Владимирович Родзянко. «Русская мысль», апрель 1924, стр. 319).

²⁵ В. Я. Лаврычев указывает (со ссылкой на воспоминания товарища председателя «Республиканского центра» Финникова), что Колчак некоторое время возглавлял военный отдел этого центра (см. В. Я. Лаврычев. Указ. соч., стр. 36).

миналось выше. Николаевский утверждает, что это было первое его свидание с Корниловым²⁶, однако тот уже знал о цели его приезда (видимо, от руководителей Союза офицеров) и поэтому с первых же слов заявил, что охотно пойдет рука об руку с «Республиканским центром». «Предполагалось тогда,— добавляет Николаевский,— что военная диктатура не исключает существования Временного правительства, разве только с небольшими изменениями... Не предполагалось вовсе производить большой ломки в составе министров». Было договорено, что денежные средства должны быть даны «Республиканским центром», который обязан также оказать Корнилову помощь по «гражданским делам», если бы таковая потребовалась. Николаевский ознакомил Корнилова с положением дел в Петрограде, в частности с работой военной секции Центра, возглавлявшейся полковником дю Симетьером. По его словам, в то время это была довольно большая и сложная организация, широко задуманная и снабженная солидными денежными средствами. Для руководства ею из Могилева в Петроград выехал Сидорин, получивший от лидеров «Республиканского центра» карт-бланш.

Рост большевистского влияния в массах все сильнее тревожил заговорщиков. «Пропаганда Ленина и его сотрудников в Кронштадте,— пишет Николаевский,— достигла своих верхов. Ленин уже не скрывался, и агентами «Республиканского центра» вновь настойчиво предлагалось, не ожидая задуманной ликвидации большевизма, уничтожить прежде всего его вожakov своими средствами. Предложение не было принято. Комитет верил в возможность легальных действий». Зачем было «людям практической складки» действовать столь «кустарными методами», когда стоило только выждать несколько недель, и само Временное правительство, поддерживаемое и оберегаемое грозным диктатором, обрушит кровавые репрессии на ненавистные им головы большевиков? В ожидании этого часа заговорщики в Могилеве, Петрограде и Москве торопливо готовили свое черное дело, шаг за шагом расширяя круг людей, посвященных в их тайные замыслы.

8 августа в Москве собрался так называемый Съезд общественных деятелей, своего рода генеральная репетиция открывавшегося через несколько дней Государственного совещания. Именно тогда съехавшиеся в Москву представители буржуазных кругов были посвящены в конкретные детали заговора. По поручению Корнилова член Главного комитета Союза офицеров капитан Роженко сделал доклад на тайном совещании в квартире видного московского кадета Н. Кишкина. Как рассказывает Савич в письме к Деникину от 26 октября, его и Родзянко пригласил зайти к Кишкину после одного из утренних заседаний съезда А. Шингарев. «Там мы застали,— пишет Савич,— несколько думцев, в том числе Милукова, подполковника Новосильцева и двух молодых офицеров, фамилии которых не были названы». Новосильцев в числе присутствовавших упоминает также В. Маклакова и Н. Львова²⁷.

«Роженко сделал доклад о последних событиях,— рассказывает Новосильцев,— говорил, что не нынче-завтра будет восстание большевиков, что московское Государственное совещание не состоится и надо быть готовым к большим событиям». Савич излагает содержание доклада более подробно: по его словам, Роженко «стал рассказывать о положении

²⁶ Это противоречит утверждению Финисова о том, что в начале мая 1917 г. Корнилов, Николаевский, он сам и еще два-три человека участвовали в совещании на квартире члена совета Сибирского банка Липского, где и был основан «Республиканский центр» (см. В. Я. Лаврычев. Указ. соч., стр. 35).

²⁷ Видимо, на этом совещании присутствовал и председатель бюро Прогрессивного блока в IV думе октябрист С. Шидловский. «Группа молодых офицеров из Ставки,— пишет он в своих воспоминаниях,— пожелала переговорить совершенно конфиденциально с некоторыми из более видных членов Думы; было устроено совершенно тайно небольшое собрание» (С. И. Шидловский. Воспоминания. Т. II. Берлин. 1923, стр. 141).

в армии, трениях между Керенским и правительством, с одной стороны, и Ставкой — с другой. Далее он указывал, что возможно устранение ген. Корнилова с поста главкома, чему ген. Корнилов ни в коем случае не подчинится... В таком случае неизбежен вооруженный конфликт, который предусмотрен Ставкой и на случай которого разработан план действий. Далее нам было сообщено, что и как предполагается делать. Вопрос шел о походе кавалерии на Петроград, о разгоне Совдепа и объявлении диктатуры, и в заключение спрашивали о нашем отношении к вопросу»²⁸. Доклад Роженко, по единодушному отзыву и Новосильцева, и Савича, и Шидловского, не удовлетворил слушателей. На Новосильцева он произвел «тягостное впечатление»: «Мне казалось все это весьма легкомысленным, и я до сих пор не уверен, что эта присылка Роженко [не] была делом рук Завойки и Голицына. Я полагаю, что Корнилов не имел правильной информации, а Завойко форсировал события». В. Макалов, обмениваясь с Новосильцевым мнениями по поводу сообщения Роженко, также признался, что оно оставило «сумбурное впечатление», заметив при этом: «Корнилов, видимо, мало знает». Что касается Савича, то он, по его собственным словам, «был очень смущен, так как набросок плана казался неисполнимым».

«Сразу же стало ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех,— пишет Савич.— Обсуждать тут же этот рассказ увлекающегося офицера не сочли возможным. Все ограничилось тем, что выслушали, задали ряд вопросов, но вели себя крайне осторожно». В частности, сам Савич поинтересовался у докладчика, как предполагается решить вопрос «о перерыве средств связи, о радио, по которому, конечно, в первый же момент будет сообщено «всем, всем, всем», и другие вопросы». Ответы, данные Роженко, по всей видимости, также не показались аудитории сколько-нибудь убедительными²⁹. В такой ситуации, пишет Савич, «связывать себя и политические группы, которых представляли участники собрания, ни у кого не было желания... Разошлись смущенные». Через два-три дня, по свидетельству Савича, «на эту же тему был другой разговор, более серьезный». На этот раз круг собравшихся был шире, однако имен Савич не называет. По-видимому, это второе собрание имело целью сформулировать и довести до сведения Ставки отношение «общественности» к намерениям Корнилова, изложенным Роженко на прошлом совещании. Среди присутствовавших находились представители Корнилова, «долженствовавшие,— как сообщает Савич,— передать ему суждения собрания», в том числе кн. Г. Трубецкой, начальник дипломатической канцелярии Ставки (официальный представитель Временного правительства!). «После долгих объяснений,— рассказывает Савич,— Милоков сделал от лица общественных деятелей кадетского направления заявление о том, что они сердечно сочувствуют намерениям Ставки остановить разруху и разогнать Совдеп. Однако намерения эти могут иметь значение лишь постольку, поскольку массы с ними. А в этом вопросе заранее можно сказать, что общественные массы были бы против, если бы они активно выступили против Временного правительства. Поэтому на него и его единомышленников рассчитывать нельзя». «К это-

²⁸ Шидловский так излагает содержание доклада Роженко: «Офицеры заявили, что они уполномочены Корниловым довести до сведения Думы, что на фронте и в Ставке все готово для свержения Керенского и что нужно только согласие Думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и, так сказать, под ее покровительством» (С. И. Шидловский. Указ. соч., стр. 141).

²⁹ «Члены Думы отнеслись к этому предложению с большой осторожностью,— отмечает Шидловский,— стали подробно расспрашивать офицерство о том, что организовано да как, и после продолжительного допроса пришли к единогласному заключению, что все это поставлено до такой степени несерьезно, что никакого значения придавать делаемому предложению нельзя» (С. И. Шидловский. Указ. соч. стр. 141).

му заявлению, — рассказывает Савич, — присоединились путем молчания и знаком молчаливого согласия остальные общественники»³⁰.

Видимо, основываясь именно на этих сведениях, Деникин писал Астрову 3 января 1922 г. по «вопросу об осведомленности общественных деятелей о назревавших событиях и отношении к ним»: «Все карты были раскрыты Ставкой еще 8 августа, т. е. за три недели до выступления. Обсуждались в двух больших заседаниях общественников между 8 и 14 августа. Если я назову Вам фамилии Кишкина, Милюкова, Маклакова, Родзянко, Н. Львова, Савича, то это будет достаточно для определения ширины фронта... Милюков огласил тогда резолюцию к-д.: «Сочувствие, но, к сожалению, не содействие».

Эту формулу Деникин приводит в своих «Очерках русской смуты» (лишь очень кратко уведомив читателя об обоих совещаниях) и на ней возводит легенду о том, что буржуазные деятели и, в частности, кадеты спрятались в кусты, не поддержали «самоотверженное» офицерство. Подобная концепция давно уже отвергнута наукой на основе обширного фактического материала, доказывающего ее несостоятельность. Однако, отстаивая свою точку зрения, некоторые исследователи склонны вообще пренебречь указаниями на результаты упомянутых выше августовских совещаний. Так, В. В. Комин, излагая рассказ Шидловского, подчеркивает: «Разговоры о том, что члены Думы не поддержали офицеров, не следует принимать всерьез»³¹. Представляется, что к рассказу Шидловского можно отнестись с большим доверием, тем более что он подкрепляется гораздо более подробным сообщением Савича, а также свидетельством Новосильцева.

Думается, что реакция «общественных деятелей» на доклад Роженко была вполне естественной. Опытных политиканов сильно встревожила обнаружившаяся из доклада непродуманность и рискованность всего предприятия. Корниловский заговор был их последней ставкой, отчаянным «жестом самосохранения здоровых (то есть контрреволюционных. — Н. Д.) элементов страны»³². Допустить, чтобы авантюристичность и легкомыслие корниловского окружения обрекли на неудачу попытку переворота, они не хотели. А самое главное, их смущало намерение Корнилова вступить в открытый конфликт с Керенским. Ведь до тех пор предполагалось осуществить переворот при участии последнего, так сказать, под сенью правительства. Отказ от этого замысла был чреват крушением всего дела. Маклаков в разговоре с Новосильцевым, как вспоминает последний, предупредил его, что в таком случае «Корнилова никто не поддержит, все спрячутся».

На случай же, если бы Корнилову все-таки удалось достичь успеха, думцы озаботились получить приглашение на пир победителей. Об этом свидетельствует письмо Савича к Деникину от 24 ноября 1921 года. В нем Савич сообщает о слышанном им самим разговоре Родзянко с А. Ладыженским, которого генерал Лукомский прислал из Ставки в период Государственного совещания «ради информации о настроениях в Москве». Родзянко просил передать Лукомскому, что хотя Дума как учреждение фактически не существует, однако «в случае успеха переворота ее можно было бы использовать как флаг, попробовать гальванизировать. Во всяком случае, в деле организации власти на ее членов можно было рассчитывать».

Формула Милюкова, несомненно, относилась лишь к намерениям

³⁰ Свидетельство Савича подтверждается указанием на «оглашенную Милюковым резолюцию: сочувствуем, но участвовать пока не можем», — содержащимся в письме Астрова к Деникину от 7 января 1922 года.

³¹ В. В. Комин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1965, стр. 348.

³² П. Н. Милюков. Легенды и факты. «Последние новости», 17.XI.1937.

Корнилова выступить против министра-председателя. Постоянные ревнители «государственности» кадеты устами своего лидера призывали Корнилова спрятать раздражение против Керенского в карман и при помощи полюбившей сделки с ним без лишнего шума установить контрреволюционную диктатуру под эгидой «революционного» правительства. Что касается корниловской попытки переворота в целом, то ей, как признал Милюков, выступая на заседании членов ЦК к.-д. партии в Париже 23 мая 1921 г., кадеты «шли сознательно навстречу». Если взвесить практические возможности к.-д. партии, учитывая, что она не пользовалась влиянием в народе (как показали, в частности, плачевные для кадетов июньские выборы в городские думы) и не располагала в отличие от торгово-промышленников значительными материальными ресурсами, то обнаружится, что активное участие кадетов в осуществлении заговора могло выразиться лишь в правительственных махинациях и постоянном давлении на Керенского. Эту свою миссию «помочь в правительстве» члены «партии народной свободы» выполнили до конца, равно как сдержали и другие данные в июне обещания Корнилову — обеспечить поддержку «у союзников»³³ и «в печати». Действительно, в своих печатных органах кадеты вели вполне откровенную усиленную пропаганду в пользу Корнилова. Надо полагать также, что не без участия кадета А. Карташева, обер-прокурора Святейшего Синода, осуществлялась идейная связь корниловцев с реакционным духовенством. Недаром Карташеву предназначался тот же портфель в корниловском правительстве. Будущий диктатор заручился обещанием, что церковный Собор примет его сторону. На это указывает следующее свидетельство Новосильцева: «Перед моим отъездом в Москву (24—25 августа.— Н. Д.) я через Голицына спросил, не надо ли что-либо передать там от Корнилова. Голицын мне сказал: подготовьте церковь — Собор поддержит Корнилова»³⁴.

Послав Корнилову через его доверенных лиц «предостережение» от самочинных действий, Милюков и его соратники тут же принялись утрясать отношения между главверхом и министром-председателем, стремясь устранить почву для их подспудной войны, которая могла вылиться в открытый конфликт. Тогда силы, ведомые Корниловым, хлынули бы совсем не по тому руслу, по которому его старательно направлял Милюков, не против большевиков, а против Временного правительства, где рядом с министром-председателем заседала целая четверка министров-кадетов. Единственное средство помешать этому состояло в том, чтобы заставить Керенского немедленно принять корниловскую программу. Уже в резолюции Сопещения общественных деятелей, собственноручно написанной Милюковым, содержалось прямое обращение к Керенскому: «...Правительство, сознающее свой долг перед страной, должно признать, что оно вело страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут... Время не ждет, и медлить нельзя. Правительство должно немедленно и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность. Оно должно начать самую энергичную борьбу с ядовитыми всходами этого посева во всех областях народной жизни: в армии и флоте, во внешней политике,

³³ См. об этом: Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 42—49; А. Е. Иоффе. Отношение Франции, Англии и США к заговору Корнилова. «Доклады и сообщения» Института истории АН СССР. Вып. 19. 1956; Ф. И. Видясов. Контрреволюционные замыслы иностранных империалистов и корниловщина. «Вопросы истории», 1963, № 5.

³⁴ Не этой ли уверенностью в поддержке со стороны духовенства объясняется содержащийся в корниловском приказе от 27 августа призыв: «Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога,— в храмы». Заговорщики отлично сознавали, что истинная идейная подкладка замышляемого переворота не может импонировать умонастроениям народных масс, и рассчитывали завоевать популярность, совершая свои деяния «с божьего благословения».

в социальных отношениях, в промышленности и финансах, в земельном и национальном вопросах»³⁵.

Керенскому, прекрасно понимавшему, откуда ветер дует, менторский тон резолюции пришелся не по вкусу. Как видно из доклада Кокошкина в Московском городском комитете кадетской партии, министр-председатель, читая резолюцию, казался очень взволнованным и «резко нападал» на кадетов. Сознавая, что правые силы консолидируются и готовятся дать решающий бой, Керенский больше всего боялся оказаться в их руках игрушкой, которой они воспользуются для своих целей, а потом за ненужностью вышвырнут. Не требовалось быть особым провидцем, чтобы уяснить себе мизансцену, устроенную режиссерским замыслом Милюкова: Керенского, размахивающего республиканским стягом, подпирает железный кулак Корнилова; в стране воцаряется столь желанная буржуазия с первых дней Февраля «твердая власть»; Советы разгромлены, большевики уничтожены, а там можно приспустить красный штандарт и убрать на задворки ненужного временщика...

Между тем министры-кадеты, являвшиеся, по ленинскому определению, «правой рукой Милюкова и К⁰»³⁶, нажимали на Керенского все упорнее и настойчивее. Они требовали обсуждения в Совете министров известной докладной записки Корнилова от 3 августа³⁷, стремясь добиться официального выражения солидарности Временного правительства со Ставкой в проведении жесткого политического курса и примирения перед предстоявшим Государственным совещанием обоих соперников на единой платформе. Эта задача возлагалась прежде всего на государственного контролера Кокошкина, который среди кадетских лидеров считался самым близким Милюкову³⁸.

«Утреннее свидание 11 августа с Кокошкиным, — утверждает Керенский, — было одним из самых бурных моих политических столкновений»³⁹. В результате этого столкновения победа досталась Кокошкину: Керенский согласился поставить записку на обсуждение. При обсуждении, сообщает Кокошкин, Керенский «заявил, что в общем он согласен и расходится с генералом Корниловым лишь в деталях, но на отдельные вопросы ответы Керенского были чрезвычайно неопределенны. В вопросе о комитетах, дисциплине и власти начальников были разногласия, но в деталях. Распространение на тыл военно-революционных судов и смертной казни подчеркивалось как существенное разногласие, хотя и тут Керенский указывал, что он не возражает по существу, но что правительство введет эти суды и смертную казнь тогда, когда сочтет это нужным». «Условились о том, — продолжает Кокошкин, — что Керенский в своей речи должен был сказать о необходимости предлагаемых мер по оздоровлению армии. О восстановлении дисциплинарной власти начальников Керенский обещал сказать, но условие это нарушил и не сказал. О восстановлении смертной казни в той или иной форме все-таки сказал. Надо сказать, что и Корнилов в своей речи несколько смягчил тон по сравнению с заслушанной нами его запиской».

Итак, как писал Милюков, «соглашение между членами правительства о корниловских требованиях» состоялось. Кадеты ликовали: «конфликт казался наступившим — и перед ним отступил не Корнилов, а Керенский»⁴⁰. Правительство Керенского, Авксентьева и К⁰ еще раз про-

³⁵ «Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 г.». М. 1917, стр. 135. Подчеркнуто Милюковым, цитирующим резолюцию в своей «Истории второй русской революции». (Т. 1, вып. 2, стр. 114—115).

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 348.

³⁷ Подробнее см. Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 56—61.

³⁸ Во всяком случае, товарищ председателя ЦК к.-д. партии Винавер утверждал, что Кокошкина «Милюков ценил выше всех других своих единомышленников» (М. М. Винавер. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж. 1926, стр. 151).

³⁹ А. Ф. Керенский. Дело Корнилова, стр. 59.

⁴⁰ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 111, 173.

демонстрировало, что оно «есть лишь ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках»⁴¹.

11—12 августа, перед самым началом Государственного совещания, состоялось расширенное заседание Центрального комитета партии к.-д., в котором приняли участие все кадеты, съехавшиеся в Москву. Это заседание подробно освещено на основании сохранившихся в архиве протокольных записей в упоминавшейся выше статье Н. Ф. Славина. Тем не менее представляется интересным дополнить это описание, опираясь на другой источник — неопубликованные воспоминания члена ЦК кадетской партии кн. В. Оболенского «Моя жизнь и мои современники». Оболенский излагает сделанный на заседании доклад П. Н. Милюкова «по самому ответственному в этот момент вопросу — о взаимных отношениях между Временным правительством, Советом Р. и С. депутатов и верховным главнокомандующим». Смысл речи Милюкова, произнесенной «в крайне осторожной форме», заключался в том, что кадеты должны уяснить свою позицию в назревающем конфликте между командованием армии и правительством. Предлагая своим коллегам альтернативу — стремиться к смягчению конфликта или, наоборот, принять участие в борьбе, став на сторону одной из борющихся сил, Милюков «недвусмысленно давал понять, что в той фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено и что спасти Россию от анархии может лишь военная диктатура». «Насколько помню, — продолжает Оболенский, — Милюков представлял себе первую стадию этой диктатуры в виде дуумвирата Керенского и Корнилова, предполагая, что под влиянием организованного Корниловым военного давления Керенский вынужден будет уступить и покончить с Советом Р. и С. депутатов». Далее следует важное добавление: «Он допускал в худшем случае отказ Керенского от подобной комбинации и образование новой власти без его участия».

Как видим, окончательно порвать с Керенским Милюков намеревался лишь при крайней нужде. «От речи Милюкова, — пишет Оболенский, — у меня создалось впечатление, что он уже вел переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку». По признанию мемуариста, в тот период для большинства кадетов «уже не существовало принципиального вопроса о режиме: они готовы были «приветствовать всякий режим», который мог бы помешать развитию революции»⁴². Поэтому «перспектива военной диктатуры не пугала большинство членов ЦК»⁴³. Споры возникли лишь о том, «может ли удалиться государственный переворот». Те члены кадетского ЦК, которые отстаивали необходимость коалиции с эсерами и меньшевиками, полагали, что не следует торопиться с установлением военной диктатуры, и считали целесообразным опереться пока на «соглашателей»⁴⁴. Вопрос, обсуждавшийся на этом заседании, по словам Оболенского, не голосовался, так как «не было внесено никакого конкретного предложения, однако составилось впечатление, что большинство товарищей по ЦК разделяло мнение Милюкова. Ему пока этого было достаточно».

Но, пожалуй, самым красноречивым выражением позиции кадетов стало их активное участие в торжественной встрече прибывшего на Государственное совещание генерала Корнилова. На вокзале Корнилова приветствовал один из кадетских «златоустов», Ф. Родичев: «На вере

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 51.

⁴² В своих опубликованных мемуарах «Крым в 1917—1920 гг.» В. Оболенский так пишет о настроениях кадетов в то время: «Мы чувствовали, что дни Временного правительства сочтены, а некоторые верили в спасительность новой группировки сил вокруг генерала Корнилова» («На чужой стороне». Т. V. Берлин — Прага. 1924, стр. 6).

⁴³ По воспоминаниям Ф. Степуна, уже в июле в кадетских кругах шли разговоры о сильном человеке, способном установить «буржуазную военную диктатуру» (F. Stepan. Vergangenes und Unvergängliches. Bd. II. München. 1948, S. 203).

⁴⁴ Н. Ф. Славин. Указ. соч., стр. 47.

в Вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что клич — да здравствует генерал Корнилов — теперь клич надежды — делается возгласом народного торжества»⁴⁵. Как свидетельствует Новосильцев, торжественная встреча Корнилова имела в глазах ее устроителей особый смысл. «Нам хотелось, — пишет он, — показать себя сильнее, чем мы были, ведь свою слабость мы отлично сознавали, но, демонстрируя силу, мы думали припугнуть Керенского, заставить его идти на уступки».

С другой стороны, Милюков попытался воздействовать на Корнилова, дабы смягчить его отношение к министру-председателю. Когда кадетский министр Юренев, по просьбе Керенского взявший на себя миссию убедить генерала в выступлении на Государственном совещании говорить только о военной стороне дела, не касаясь политической⁴⁶, приехал к Корнилову, он неожиданно для себя встретил выходящего из корниловского вагона Милюкова. Этот эпизод описан в воспоминаниях Оболенского, который подчеркивает, что о беседе с Корниловым вождь кадетов своему ЦК не сообщил. О подробностях их разговора Милюков рассказал позднее, в белоэмигрантской газете «Последние новости» от 6 марта 1937 года. «Корнилов уже принял решение о сроках его открытого разрыва с правительством Керенского и даже назначил его дату — 27 августа... Я предупредил генерала Корнилова, что, на мой взгляд, разрыв с Керенским несвоевременен, и он не особенно это оспаривал. Я сказал то же самое Каледину, с которым я также виделся в те же дни. Это, по-видимому, совпало с намерением Корнилова, о котором стало известно лишь позже, — оставить Керенского в кабинете⁴⁷. Генерал Корнилов не сообщил мне никаких деталей о готовившемся выступлении, но высказал пожелание, чтобы партия к.-д. его поддержала, — хотя бы отставкой министров к.-д. в решительную минуту... Я обратил, наконец, внимание ген. Корнилова на неуместность окружения себя такими личностями, как Аладын». Итак, договоренность с Корниловым была достигнута: кадеты устраивают министерский кризис в день выступления — 27 августа; Керенский, то есть ширма законной государственной власти, остается, а задуманный «дуумвират Корнилов — Керенский» образует новое правительство (несомненно, при ближайшем участии кадетов).

В свете этой договоренности понятным становится обращение 22 августа⁴⁸ В. Львова от имени Корнилова к члену кадетского ЦК В. Набокову, описанное в мемуарах последнего. Львов, сообщая, что у него есть «важное и срочное дело», по которому он пытался переговорить с Милю-

⁴⁵ Эти слова Родичев привел в письме к Астрову от 21 января 1920 г., а Астров пересказал их в письме к Деникину от 10 февраля 1920 г., откуда они перекочевали в «Очерки русской смуты» (т. II, стр. 29).

⁴⁶ «На Московском совещании, — признавался Керенский, — наша задача заключалась в том, чтобы создать такую обстановку, при которой выступление Корнилова не вызвало бы настроения против него в широких массах» (А. Ф. Керенский. Дело Корнилова, стр. 64).

⁴⁷ В «Истории второй русской революции» Милюков упоминает об этом разговоре мимоходом: «В личной беседе с Корниловым в Москве 13 августа я предупреждал его о несвоевременности борьбы с Керенским и не встретил с его стороны решительных возражений. Об этом я сообщил и ген. Каледину, посетившему меня в те же дни» (П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 174). Из этого краткого резюме Н. Ф. Славин заключает, что Милюков призвал Корнилова отсрочить выступление, планировавшееся на период Государственного совещания (Н. Ф. Славин. Указ. соч., стр. 50). Как можно судить по более полному контексту диалога двух заговорщиков, речь шла об отношении к Керенскому в принципе. Это подтверждается и другим упоминанием Милюкова о беседе 13 августа: рассказывая о настроениях в провинции, он предупреждал своего собеседника, что Керенский «все-таки не потерял еще того обаяния, каким пользовался ранее» (П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 183).

⁴⁸ А не 26-го, как указывает Н. Я. Иванов (указ. соч., стр. 108). Дата разговора Набокова со Львовым устанавливается как самим Набоковым («во вторник на той неделе, в конце которой Корнилов подступил к Петрограду»), так и Милюковым, прямо относящим этот разговор к 22 августа (указ. соч., стр. 185).

ковым, но не застал его, с таинственным видом протянул Набокову записку. Как выясняется из пересказанных Милюковым воспоминаний В. Львова, записка эта была передана ему Аладыным, который получил ее от Завойко, и содержала следующую фразу: «За завтраком (у Корнилова) генерал, сидевший напротив меня (Лукомский), сказал: «Недурно бы предупредить к.-д., чтобы к 27-му августа они вышли все из Временного правительства, чтобы поставить этим Временное правительство в затруднительное положение и самим избежать неприятностей»⁴⁹. «Не понимая ничего,— пишет Набоков,— я спросил Львова, что значит эта энигма и что требуется, собственно говоря, от меня. «Только довести об этом до сведения министров к.-д.». «Но,— сказал я,— едва ли такие анонимные указания и предупреждения будут иметь какое бы то ни было значение в их глазах»⁵⁰.

Набоков, будучи не в курсе дела (вспомним, что лидер кадетов о своей беседе с Корниловым 13 августа в свой ЦК не докладывал), не понял намека, который, несмотря на анонимность, оказался бы вполне достаточным для самого Милюкова: ведь ему и посылались условленный сигнал, имевший вполне реальное значение. Не разобравшись в существе инцидента, Набоков тем не менее незамедлительно передал предупреждение Корнилова министрам-кадетам.

Состоявшееся 20 августа заседание кадетского ЦК большинством голосов высказалось за установление военной диктатуры. Всего лишь неделя отделяла его от упомянутого выше предыдущего заседания, где звучали сомнения в удаче переворота, однако теперь позиция Милюкова получила безоговорочное одобрение. Удовлетворенный лидер, заверяя своих коллег в готовности министра-председателя пойти на соглашение с Корниловым, объявил: «У Керенского нет выбора»⁵¹. Тем временем правые кадеты укрепляли отношения с «Республиканским центром». По воспоминаниям Финисова, около 23 августа П. Струве, Ф. Родичев и князь Павел Долгоруков обратились к Милюкову с предложением вступить в непосредственную связь с этой организацией⁵². Хотя Милюков и утверждал, что у него «не сохранилось никаких воспоминаний об этом визите»⁵³, однако он никоим образом не пытался отрицать установленный, по-видимому, еще гораздо ранее контакт с «Республиканским центром» трех виднейших представителей правого крыла кадетской партии.

Расчеты кадетских заговорщиков в те несколько дней, что отделяли их от заветной даты, откровенно живописует сам Милюков (правда, применительно к Корнилову): «Менее всего могла входить в соображения Корнилова возможность сопротивления его планам со стороны Керенского, которого он готов был ввести в свои комбинации»⁵⁴. Он не ждал, что в последнюю минуту Керенский цепко ухватится за власть и пожелает сохранить ее во что бы то ни стало... Он думал, очевидно, что та обстановка, которая создастся в Петрограде к 28 августа, сама по себе исключит возможность правительства противодействия»⁵⁵. В создании такой обстановки одна из главных ролей выпадала на долю кадетов. В са-

⁴⁹ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 185.

⁵⁰ В. Д. Набоков. Временное правительство. «Архив русской революции». Т. I. Берлин. 1922, стр. 43—44.

⁵¹ «Революционное движение в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». Документы и материалы. М. 1959, стр. 375. Подробнее см. Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 76—77.

⁵² «Последние новости», 6.III.1937.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Кстати говоря, как раз тогда Корнилов пошел на «уступку» Керенскому, согласившись с его требованием ликвидировать Союз офицеров в Ставке. Чего стоила эта мнимая уступчивость, показывает свидетельство Новосильцева: «Угрожало появление Комитета при Ставке, Корнилов приказал нам сделать вид, что мы собираемся к поезду в Москву».

⁵⁵ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 181—182.

мый день корниловского выступления организовать министерский кризис, чтобы дать Корнилову возможность, не свергая правительство, сформировать его состав по усмотрению заговорщиков и тем самым поставить страну перед фактом наличия новой законной власти, преемственность которой воплотится в лице ширмы — Керенского, — вот тот реальный вклад, какой обязывались внести кадеты в общее контрреволюционное дело.

Ожидая развития событий, кадетские лидеры неусыпно следили за каждым новым актом развертывавшегося по их предначертаниям действия. Знаменательно, что, по признанию Милюкова, В. Львов был у него «непосредственно *до* и тотчас *после*» своей роковой беседы с Керенским 26 августа⁵⁶. Несомненно, именно осторожный вождь кадетов, а не авантюристически настроенное окружение Корнилова, внушил Львову основной тезис его переговоров с министром-председателем. Как показал Керенский в Следственной комиссии, Львов три раза возвращался к тому, что необходима «**легальная передача власти**, чтобы не было захвата, а чтобы было формальное постановление Временного правительства»⁵⁷.

Однако беседа Львова с Керенским приняла совершенно неожиданный оборот. Содержание этой беседы, приведшей к отказу Керенского от «общего замысла», хорошо известно. Известно также, что на закрытом заседании правительства вечером 26 августа министр-председатель, объявив об аресте Львова и «измене» Корнилова, потребовал предоставления ему ввиду чрезвычайной обстановки диктаторских полномочий. С категорическими возражениями против подобного требования немедленно выступил Кокошкин, который под этим предлогом подал в отставку, чтобы, невзирая на непредвиденный поворот событий, выполнить уговор с Корниловым ровно в срок (заседание, по свидетельству Кокошкина, закончилось в 5 часов утра 27 августа). Видно, не зря он славился в среде своих единомышленников умением «здравым практическим чутьем ориентироваться в условиях места и времени, применять принципы сообразно с извилинами жизни»⁵⁸. «Я свое заявление формулировал так, — сообщает Кокошкин в докладе Московскому комитету к.-д., — что ухожу в отставку ввиду состоявшегося, по-видимому, решения, судя по высказанным мнениям, о предоставлении Керенскому диктаторских полномочий и что впредь при этих условиях отказываюсь от участия в правительстве». Так же мотивировали свои прошения об отставке и другие кадетские министры. Остальные члены кабинета, услышав доклад Керенского, были совершенно ошеломлены, не столько, однако, сведениями о контрреволюционном заговоре, сколько внезапным разрывом Керенского с Корниловым⁵⁹. Любопытно предположение Николаевского, что «на членов правительства, вероятно, произвел наихудшее впечатление именно список новых министров, привезенный Львовым, так как он задевал их персонально. Может быть, в одном этом они увидели весь смысл заговора». По словам Николаевского, комитет «Республиканского центра» уже 26-го получил первое известие от полковника Б. Энгельгардта, что В. Львов привез из Могилева «заговор против правительства, что носится с новым списком министров... В Петербурге поднялась тревога». Николаевский немедленно выехал в Ставку.

Той же ночью, пока он добирался до Могилева, а министерская четверка кадетов претворяла в жизнь замысел об устройстве правительственного кризиса, другие участники заговора, не теряя времени, хлопотали о примирении заупрямившихся соперников, чья непредвиденная распря грозила погубить весь комплот. Необходимо было ула-

⁵⁶ Там же, стр. 205.

⁵⁷ А. Ф. Керенский. Дело Корнилова, стр. 131.

⁵⁸ М. М. Винавер. Указ. соч., стр. 140.

⁵⁹ См. Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 110.

дить дело тотчас же, пока слухи о событиях не разнеслись широко. При этом на авансцену был выдвинут В. Маклаков, считавшийся в кадетской партии тонким дипломатом. При разговоре по прямому проводу в осторожной, завуалированной форме, ни намеком не обнаружив свою солидарность с Корниловым, он подказывал генералу единственную возможность спасти положение: «Ваше предложение понято здесь как желание насильственного переворота. Глубоко рад, что это, по-видимому, недоразумение (то есть: пока не поздно, объявите все случившееся недоразумением.— Н. Д.). Вы недостаточно осведомлены о политическом настроении (то есть: свержение Керенского в данный момент неосуществимо)... Необходимо принять все меры, ликвидировать все недоразумения без соблазнов и огласки... Думаю, что недоразумение могло бы быть устранено при личных объяснениях»⁶⁰ (то есть возможность договориться с Керенским еще не потеряна).

Кадетским вождям казалось, что есть еще шансы спасти положение. 27 августа ни в одной газете не было ни строчки о «деле Корнилова». Милюков в «Истории второй русской революции» объявляет, что в этот день главной тревогой «петроградцев» была возможность выступления большевиков⁶¹. Это утверждение так и просится в сравнение с воспоминаниями В. Львова о том, как накануне, 26 августа, тот же Милюков (кстати, как и Керенский) с полной уверенностью утверждал, что «большевики не выступят».

В данном случае кадетский историк применил свой излюбленный прием: широко и охотно цитируя воспоминания Львова (частично опубликованные в «Последних новостях» в ноябре—декабре 1920 г.), Милюков именно этот, не укладывающийся в запроектированное русло его повествования эпизод предпочел опустить. Зато свидетельство Львова весьма пригодились Керенскому, который не забыл привести его (правда, не желая уступить Милюкову в «объективности», лишь в части, касающейся последнего)⁶². Нет, не «возможность выступления большевиков» была главной заботой петроградских корниловцев. Их тревожила (пусть не покажется парадоксом) как раз очевидная невероятность в тот момент такого выступления, крайне необходимого как предлог, без которого, по признанию Финцова, «невозможно было осуществить наши планы». «Ситуация становилась для нас очень трудной,— пишет товарищ председателя «Республиканского центра»,— так как войска генерала Крымова были уже на пути к Петрограду. Было бы преступлением не воспользоваться этим. Если не было оснований для действия, такие основания нужно было создать»⁶³. Специальная группа была уполномочена организовать «большевистское восстание», то есть захватить Сенную площадь и таким образом спровоцировать «уличный бунт». В соответствии с этим «действия офицерских организаций и казачьих частей генерала Крымова должны были начаться в тот же день. Задача была возложена на Сидорина. Он получил (от «Республиканского центра».— Н. Д.) 100 тыс. рублей. Мы, т. е. полковник дю Симетьер и я, должны были дать сигнал к началу расправы с «бунтом», послав шифрованное сообщение в Петроград после встречи с генералом Крымовым»⁶⁴.

В Ставке в это время, по свидетельству Николаевского, ожидали известий о военном выступлении группы «Республиканского центра». Перед отъездом его из Петрограда в Могилев было условлено, что таковое состоится в любом случае, чтобы облегчить задачу Ставки.

⁶⁰ «Революционное движение в России в августе 1917 г.», стр. 451—452.

⁶¹ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 221.

⁶² А. Kerensky. Op. cit., p. 380.

⁶³ Ряснянский отмечает, что эта задача была заранее поставлена Крымовым перед петроградской организацией заговорщиков.

⁶⁴ «Последние новости», 6.III. 1937. Этот рассказ целиком приведен в книге Керенского (А. Kerensky. Op. cit., p. 381).

Забегая несколько вперед, расскажем, чем кончилась эта затея. 28 августа, как сообщает Финисов, он вместе с дю Симетьером выехал из Петрограда в небольшую деревню Заозерье близ Луги, где встретился с Крымовым. Генерал полностью поддержал их план и в 8 часов утра 29 августа отправил в Петроград мотоциклиста с посланием к Сидорину, содержащим одну зашифрованную фразу: «Действуйте немедленно в соответствии с инструкциями». Однако к этому времени обстановка резко изменилась, и генерал Алексеев, с которым Сидорин решил посоветоваться перед выступлением, понимая полную обреченность задуманного предприятия, категорически отверг изложенный Сидориным план. Тот прекратил проявлять всякую активность в этом направлении, но все же слабая попытка организовать инцидент на Сенной площади была сделана⁶⁵. «Выступление большевиков спровоцировать не удалось», — констатирует Ряснянский, подчеркивая, что это, по его мнению, одна из основных причин провала заговора. Новосильцев же рассуждает более трезво: «Думаю я, что если бы все было хорошо, то и то не удалось бы. Не было достаточной опоры».

В то время как деятели «Республиканского центра» вкупе с офицерами хлопотали об инсценировке «большевистского бунта», кадеты, со своей стороны, пытались спасти заговор политическими комбинациями в правительстве. 27 августа отставные министры, по свидетельству Кокошкина, с 11 часов утра ожидали в Зимнем дворце главу правительства. Через несколько часов им сообщили, что заседание с его участием отложено до 3 часов дня. Затем оно было перенесено на вечер. Как докладывал Кокошкин Московскому городскому комитету кадетов, министры «провели весь день в Зимнем дворце, социалисты и несоциалисты, за дружественной беседой... Наше положение сгладило бывшую между нами разнь». Вполне удовлетворенный этим трогательным единением, Кокошкин, по его словам, «иронизировал над нашими товарищами-социалистами», предоставившими Керенскому полную свободу действий, которую он тут же и использовал, скрывшись без всяких объяснений.

Недаром ближайший сподвижник Милюкова был в настроении добродушно шутить. В тот день, 27 августа, Керенский обратился с предложением войти в учреждаемую им Директорию к Н. Кишкину⁶⁶, тому самому Кишкину, который, как мы видели выше, еще в начале августа гостеприимно предоставил свою квартиру под тайное совещание заговорщиков и принял в нем вместе со своими товарищами по партии самое активное участие! Если Керенский собирался бороться против Корнилова руками Кишкина, то кадетам действительно было от чего прийти в прекрасное расположение духа. Выбором Кишкина Керенский ясно давал понять, что порывать с кадетами он отнюдь не собирается; следовательно, министр-председатель по-прежнему заинтересован в их поддержке, и можно рассчитывать все усиливающимся нажимом добиться его примирения со Ставкой⁶⁷.

Однако вопреки всем расчетам и усилиям кадетов случилось то,

⁶⁵ Там же. Николаевский сообщает, что, согласно представленному ему объяснению Военной группы, «она не решилась выступить в назначенное время потому, что без поддержки Ставки (на которую при создавшихся условиях не могла уже рассчитывать) не хотела подвергать бесполезному уничтожению свои силы, которые могли еще пригодиться».

⁶⁶ Милюков указывает, что к Кишкину Керенский питал личное доверие; в Директории он должен был представлять Москву и «буржуазию» (П. Н. Милюков. Указ. соч. Вып. III. София. 1923, стр. 7).

⁶⁷ На такой же исход надеялись и в Могилеве, как сообщает находившийся там в то время Николаевский. «В сущности, — пишет он, — в Ставке хотели найти наилучший выход из положения, именно войти в соглашение с Керенским и его соратниками по поводу военной диктатуры и произвести совместно, без больших потрясений, операцию для укрепления власти правительства, с некоторыми изменениями в его составе. Так думал Корнилов».

чего они больше всего боялись: задуманный ими «дуумвират» лопнул, как мыльный пузырь. В создавшейся ситуации «руководители к.-д. партии,— подчеркивает Кокошкин в своем докладе,— главной задачей считали предотвращение междоусобной войны»⁶⁸. Заявление Некрасова после утреннего совещания группы министров («вопрос о власти будет решен штыками») привело Милюкова и его сподвижников в трепет. Ведь кому-кому, а кадетским лидерам, посвященным во все детали заговора, было известно, что реальной силы в руках заговорщиков нет и что на поддержку народных масс им рассчитывать нечего⁶⁹. Было ясно, что штыки решат спор не в пользу Корнилова, но и не в пользу Керенского. Они принесут победу вооруженным рабочим, сплотившимся вокруг большевистской партии. Через двадцать лет после описываемых событий Милюков утверждал, что «прорыв большевиков к власти можно было предотвратить только тем, чтобы в эту трудную минуту найти общую национальную позицию... в виде мирных переговоров правительства со Ставкой, в виде соглашения между ними о новом составе правительства»⁷⁰.

Именно поэтому в тот самый день и час⁷¹, когда многим врагам революции успех Корнилова казался несомненным, когда, по видимой логике вещей, кадетам следовало бы притаиться и ждать желанного для них исхода событий, Милюков, прихватив себе в поддержку генерала Алексева, идет убеждать Керенского вступить в переговоры с Корниловым, вызываясь даже немедленно поехать для этой цели в Ставку. Он не останавливается и перед тем, чтобы припугнуть Керенского, заявив, что «вся реальная сила на стороне Корнилова», хотя, как сам признается, вовсе не был в этом уверен⁷². Позднее Керенский, всячески стараясь отмежеваться от прочих корниловцев, уверял, что приход Милюкова и Алексева преследовал цель заставить его капитулировать перед Ставкой. На самом же деле оба они все еще пытались вернуть так некстати вильнувшего в сторону Керенского в лоно единомышленников, уговорить его, пока не поздно, объединиться с Корниловым. Министр-председатель упорствовал. Оно и понятно: ведь он зашел уже слишком далеко, публично объявив Корнилова изменником. Вся страна бурлила возмущением против контрреволюционных заговорщиков. Если теперь пойти на попятный уже не удастся скрыть от народных масс свою солидарность с Корниловым. Вот почему Керенский не склонился к предложениям Милюкова и вынужден был их отвергнуть. Но Милюков не слагает оружия. Он понимает, что на карту поставлена вся будущая

⁶⁸ В. И. Ленин подчеркнул, что Керенский — это «корниловец, рассорившийся с Корниловым случайно и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 250). Эта ленинская характеристика как нельзя более наглядно подтверждается приглашением Кишкина в Директорию, назначением Савинкова генерал-губернатором Петрограда и попыткой привлечения в правительство генерала Алексева, центральную роль которого в корниловском деле признал «несомненной» даже сам Керенский (А. Керенский. *Op. cit.*, p. 384).

⁶⁹ По свидетельству Николаевского, заговорщики не имели крепкой опоры даже в Могилеве. В рабочей среде «местные большевики проявляли живейшее возбуждение». Обращение Корнилова «воздействия на войска и на толпу не производили». Нельзя было положиться и на «наиболее надежный элемент» — батальон георгиевских кавалеров, собранный в Ставке. «Я лично слышал,— рассказывает Николаевский,— от солдата—георгиевского кавалера, ораторствовавшего на улице в Могилеве, что Корнилов изменник, что по его приказу была сдана Рига не без сговора с немцами, что Корнилов враг народа и пр.». Это признание Николаевского еще раз подтверждает правильность известного ленинского положения: «Восстание Корнилова вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия ненавидит ставку» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 147).

⁷⁰ П. Н. Милюков. Легенды и факты. «Последние новости», 17.XI.1937.

⁷¹ Милюков называет время—полуполудни (указ. соч., стр. 250). Керенский в своей последней книге заявил, что Милюков и Алексеев посетили его утром (*op. cit.*, p. 385), забыв, по-видимому, что сам в «Деле Корнилова» совершенно точно определил время этой встречи — 3 часа дня (стр. 124).

⁷² П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 252.

судьба его класса. Что делать? Сговориться с Керенским на этом этапе уже нельзя. Значит, надо, воспользовавшись ситуацией, немедленно заменить его другим человеком. Как рассказывает сам Милюков, по окончании беседы с министром-председателем он указал «своим политическим друзьям в Зимнем дворце» на генерала Алексеева как на заместителя Керенского.

По сообщению Кишкина, приехав 28 августа из Москвы по вызову министра-председателя, он прежде всего «получил директивы от ЦК», а затем отправился к Керенскому. Подробно обрисовав московскому гостю все перипетии своих отношений с Корниловым, министр-председатель попросил Кишкина (пользовавшегося, как мы помним, его личным доверием) высказаться. Тот в соответствии с полученными инструкциями дал «дружеский» совет: по его мнению, при создавшихся условиях необходимо уйти, передав власть Алексееву с тем, чтобы он «сформировал новое правительство — правительство национальной обороны» (под такой пышной вывеской должно было, по проекту кадетов, совершиться замещение одного тайного корниловца другим). «Народ не пойдет за Алексеевым», — ответил Керенский («причем из всего разговора, — комментирует Кишкин, — было ясно, что под «народом» понимаются Советы Р.С.К.Д.»). Тогда кадетский представитель предложил другую комбинацию — «образование Директории из нескольких лиц с тем, чтобы Алексеев вошел в ее состав». Уже слабо сопротивлявшийся Керенский спросил: «А нельзя ли вместо Алексеева Верховского?» Вечером, когда атмосфера сгустилась еще более, Керенский обратился к Кишкину с просьбой высказать свое окончательное мнение. Тот вновь подтвердил «желательность передачи власти министром-председателем Алексееву». «А если он не согласится?» — осведомился Керенский. «Тогда назначить его Верховным главнокомандующим и ввести в состав Временного правительства». (Уж если не удастся посадить своего человека в председательское кресло, рассчитывали кадеты, то нужно хоть армию сохранить под его началом, а там можно будет попробовать сызнова.) Выслушав соображения Кишкина, Керенский заявил: «Нет, власть отдать я не могу».

Тем не менее этот разговор показался кадетам более обнадеживающим. Сдавалось, что министр-председатель вот-вот уступит. Надо было срочно выбить из его рук последний козырь — ссылку на то, что Алексеев не согласится стать во главе Временного правительства. Тотчас же (по собственному выражению Милюкова) кадетский лидер «взял автомобиль и съездил к ген. Алексееву, помещавшемуся в отдельном вагоне, на Царскосельском вокзале. Ген. Алексеев дал свое согласие, причем обменялся мыслями с П. Н. Милюковым относительно способа улаживания дел с ген. Корниловым»⁷³. Какой именно способ имелся в виду, Милюков благоразумно умалчивает. Однако выяснить это возможно благодаря письму к Деникину дочери Алексеева Веры Борель от 11 апреля 1923 года. Сообщая со слов отца, что он «был посвящен в дела предполагавшегося выступления», Борель пишет затем: «Когда была предложена смена правительства и папа должен был принять власть на себя, то неужели в этот момент... он бы пошел против Ставки? Никогда. Опять-таки говорю с его слов, по его рассказам: с уходом Временного правительства и переходом власти в его руки ген. Корнилов остался бы Верховным, и кто знает, быть может, вся история революции изменила бы свой ход».

Заручившись согласием Алексеева, Милюков торопится обратно в Зимний дворец: ему необходимо поспеть со своим известием к частному совещанию членов Временного правительства, чтобы там кадетская четверка могла во всеоружии настаивать на замене министра-председа-

⁷³ Там же.

теля. В самый его разгар Кишкину передали записку Милюкова о договоренности с Алексеевым. Об этом был немедленно осведомлен Кокошкин, получивший, таким образом, по его словам, возможность выступить с предложением, «чтобы в настоящих тягостных условиях ген. Алексеев был поставлен во главе правительства».

Кандидатура Алексеева поддерживалась несколькими членами бывшего кабинета, в том числе и «социалистами». «Когда все высказались,— подчеркивает Кокошкин,— то было ясно, что большинство стояло за Алексеева». Один из министров, народный социалист Зарудный, заявил, что, по его мнению, надлежит войти в переговоры с Корниловым, и предлагал попросить о посредничестве в этих переговорах кадета В. Маклакова. Нелишне указать в связи с этим, куда могли завести «соглашателей» переговоры с участием Маклакова. По его собственному признанию, высказанному впоследствии, Маклаков еще за некоторое время до корниловского выступления пришел к убеждению, что главное изменение в политической ситуации в тот момент должно коснуться не отдельных лиц, но самой природы существующего строя. «Если настаивать на сохранении состояния «революции»,— писал он,— процесс будет продолжаться и придется испытать чашу до дна. Поэтому, если Корнилов намеревался стать сильнее правительства, если бы он попытался остановить революцию, он должен был бы возвратиться к «законности». Законность кончилась с отречением великого князя Михаила, и поэтому необходимо было бы вернуться к этой исходной точке. Он должен был бы опереться на акт отречения императора Николая II, который был последним законным актом, и восстановить монархию, конституцию и народное представительство; и он должен был бы управлять страной в чисто конституционном духе»⁷⁴. Вряд ли можно найти более убедительное подтверждение справедливости ленинских слов о том, что «кадеты в союзе с контрреволюционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию»⁷⁵.

Покидая вечернее заседание 28 августа, члены Временного правительства вполне единодушно сошлись на том, что «создавшаяся обстановка может дать временный успех ген. Корнилову и что в связи с этим не исключена возможность занятия Петрограда»⁷⁶. Видимо, именно в этом убеждении ночью 28 или утром 29-го и была опубликована пресловутая передовица кадетской «Речи», приветствовавшая Корнилова и предназначенная для номера от 30 августа⁷⁷. Статья принадлежала перу Милюкова и содержала требование к правительству немедленно вступить в переговоры с «вошедшим» в Петроград Корниловым, цели которого «не имеют ничего общего с целями контрреволюции». Можно предположить, что здесь имелось в виду реорганизованное правительство во главе с Алексеевым, которое «под давлением общественных кругов» было бы таким образом «вынуждено» прийти к полному соглашению с будущим диктатором и принять все его условия. 28-го же вечером, как явствует из доклада Кокошкина, «ЦК наметил те условия, при которых члены нашей партии могли бы войти в состав правительства». Сформулированы они в докладе следующим образом: «1) в состав правительства должен войти высокоавторитетный представитель военного командного состава (имелся в виду Алексеев), а также представитель торгово-промышленных кругов; 2) все члены правительства должны быть равноправны; 3) выступление Корнилова должно быть ликвидировано так, чтобы не обострялась и не углублялась та рознь, которая сделала возможным самое выступление». Последний пункт целиком совпадает с те-

⁷⁴ V. A. Maklakov. La Chute du régime tsariste: Interrogatoires. P. 1927, p. 85.

⁷⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 69.

⁷⁶ «Русское слово», 29.VIII.1917.

⁷⁷ А не от 29-го, как пишет Н. Я. Иванов (указ. соч., стр. 119): в «Речи» от 30 августа 1917 г. на месте передовицы — белая полоса.

зисом передовицы Милюкова, требовавшей примирения с Корниловым и признания, что цели последнего «не имеют ничего общего» с контрреволюцией⁷⁸.

Однако в те самые часы, когда составлялись эти условия и писалась торжественная передовая, в развитии событий произошел коренной перелом. В Зимний дворец стали поступать сведения о начавшемся в Петрограде и всей стране мощном выступлении революционного пролетариата во главе с большевистской партией, направленном против корниловского мятежа⁷⁹. «В этой обстановке,— пишет Н. Я. Иванов,— открытая передача власти корниловцу Алексею грозила вызвать еще более мощный революционный протест. Керенский заявил о своем решении остаться на посту министра-председателя в расчете на то, что с помощью эсеро-меньшевиков ему удастся отвести смертельную опасность, нависшую над буржуазной властью, и одновременно вступить в новые тайные сделки с корниловцами — кадетами»⁸⁰. Доклад Кокоскина и сообщение Кишкина Московскому городскому комитету к.д., как и позднейшие признания самого Керенского, убедительно подтверждают правоту советского исследователя. Как сообщает Кишкин, 30-го вечером, когда провал корниловской авантюры выявился уже с полной очевидностью, Керенский вызвал его в Зимний дворец и «повторил предложение войти в состав правительства», имея в виду портфель министра внутренних дел. Кишкин, соглашаясь, поставил условие: «Чтобы никто не стоял за его плечами и чтобы никакими посторонними влияниями не связывали его свободу действий». Так было сформулировано требование полной независимости правительства от Советов рабочих и солдатских депутатов, и Керенский, только что использовавший влияние Советов в борьбе с Корниловым, ничтоже сумняшеся, это требование принял.

Министр-председатель обещал также представителю кадетов, что «суд будет мягок над Корниловым». Как известно, Керенский исполнил это обещание с лихвой, в чем ему посильно содействовала назначенная правительством Следственная комиссия. В этой связи важным представляется свидетельство Николаевского, что «с одним из ее членов «Республиканский центр» имел сношения, и ему впоследствии многие были обязаны жизнью». Интересна и другая деталь, сообщаемая Кишкиным. Именно тогда им впервые была высказана мысль о том, что «правительству надлежало бы переехать в Москву» (так как «большевики подняли голову и угрожают захватом власти»). Борьба за претворение этой идеи в жизнь под предлогом нависшей над Петроградом военной опасности сделалась чуть ли не главным содержанием будущей деятельности Кишкина во Временном правительстве.

Уезжая тем же вечером в Москву, Кишкин получил от Керенского поручение вести от его имени в Москве официальные переговоры по поводу приглашения в правительство представителей торгово-промышленных кругов. Керенский сообщил, что вакантными являются посты государственного контролера, министров финансов и продовольствия и что «можно говорить и о кандидате на пост министра торговли». Такое широкое привлечение в будущее правительство представителей буржуазии находит свое объяснение в докладе Кокоскина. «Политический мо-

⁷⁸ Милюков, излагая эти требования в «Истории второй русской революции», формулирует последний пункт в чрезвычайно обтекаемых выражениях, так что истинный его смысл совершенно затушевывается (П. Н. Милюков. Указ. соч. Вып. 3, стр. 14).

⁷⁹ Руководящая роль большевиков в разгроме корниловщины и всенародная борьба против сил контрреволюции глубоко исследованы в трудах советских историков. См., в частности, А. М. Соколин. Руководящая роль большевистской партии в разгроме корниловского мятежа. «Великий Октябрь». М. 1958; И. Ф. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М. 1964; Н. Я. Иванов. Указ. соч., и др.

⁸⁰ Н. Я. Иванов. Указ. соч., стр. 120.

мент чрезвычайно тревожный,— подчеркивает он 1 сентября.— Кажущийся успех правительства очень опасен — растет волна большевизма и Совдеп берет руководящую роль. Центральная группа членов правительства... ясно сознает опасность и открыто ищет поддержки партии к.-д.». Как заявляет в своих мемуарах Керенский, он считал участие кадетов в правительстве «абсолютно необходимым», но сознавал, что явно прокорниловские настроения и действия Милюкова безнадежно скомпрометировали его в глазах народных масс. Поэтому министр-председатель решил сделать вид, что Милюков отстранен от политической деятельности, а те буржуазные деятели, которые приглашены в правительство, никакого отношения к его позиции не имеют.

Как нельзя более удачный предлог для немедленного удаления Милюкова представился в связи со все той же милюковской передовицей. Узнав о выходе «Речи» с белой полосой и содержании изъятой оттуда статьи, Керенский распорядился вызвать к нему «наиболее влиятельных» членов кадетского ЦК Набокова и Винавера. «Несмотря на ранний час,— рассказывает Керенский,— они явились немедленно». После «короткого и откровенного обсуждения» все трое пришли к единогласному решению, что Милюкову следует внушить идею на время устраниваться от руководства партией и редактирования «Речи» и отправиться либо за границу, либо хотя бы в Крым или на Кавказ. «Мои посетители,— замечает Керенский,— выполнили свою весьма деликатную миссию с большим тактом, и Милюков выехал из Петрограда в Крым почти тут же после разговора с ними»⁸¹. Престарелый мемуарист забывает, однако, добавить (и едва ли из-за слабеющей памяти), что таким путем он спасал Милюкова от гнева народных масс, с возмущением требовавших немедленного ареста корниловского пособника.

Так окончился заговор против революции для разных его участников: Керенский сохранил за собой председательское кресло; Карташев, Кишкин и Третьяков (включенный Корниловым в состав его будущего кабинета⁸²) получили места в новом правительстве; Алексеев ради спасения милых ему мятежников принял должность начальника Генерального штаба; Милюков отправился в Крым на «бархатный сезон». И лишь Корнилов, Новосильцев и иже с ними были посажены (правда, ненадолго) в Быковскую тюрьму. Их ни в чем не пострадавшие со товарищи по контрреволюции отвели им долю «козлов отпущения», и не только в том смысле, что старательно изображали инсургентов из Ставки единственными пружинами заговора, но и в том, что еще долго на разные лады обвиняли их в провале «всего дела». Припоминалась и авантюристичность корниловского окружения, и «легкомыслие» деятелей Союза офицеров, растративших какие-то заветные суммы, и небрежность военной подготовки, и т. д., и т. п. В свою очередь, обозленные столь жалким фиаско и уготованной им незавидной ролью офицеры объявляли виновниками крушения заговора «спрятавшуюся в кусты» буржуазию, а генерал Деникин, заделавшийся их штатным летописцем, беспардонно подтасовывал факты, чтобы придать убедительность этой версии. Одновременно и те и другие сообщали поносил «главного виновника», дезертировавшего из их рядов в решительный момент, «властолюбца» Керенского.

И должны были пройти годы, прежде чем хоть некоторые столпы контрреволюционного лагеря, к тому времени давно уже вышвырнутые народом России за борт первой в мире республики рабочих и крестьян, поняли простую истину, сформулированную одним из них — Милюковым на совещании членов кадетского ЦК в Париже 31 мая 1921 года. «Я счи-

⁸¹ А. Керенский. *Op. cit.*, pp. 406—407.

⁸² Н. Я. Иванов. *Указ. соч.*, стр. 108. Характерно, что теперь Керенский подержал эту кандидатуру, хотя еще в июле он ее отверг, назвав Третьякова «воинствующим капиталистом» (Н. Ф. Славин. Из истории июльского политического кризиса 1917 г. «История СССР», 1957, № 2, стр. 138).

таю теперь, — признавался он, — что Корнилов остался один и его армия разложилась... потому, что была внутренняя трещина между ним и народом. Насилие над народом невозможно».

Антинародная сущность корниловского заговора давно уже раскрыта советскими историками. Собственные признания ближайших единомышленников и сподвижников Корнилова подтверждают справедливость приговора, вынесенного историей. В сопоставлении с опубликованными документами и материалами они дают возможность детальнее и четче представить расчеты и планы реакционных кругов, расстановку сил в контрреволюционном лагере, тесные контакты и сделки торгово-промышленной буржуазии, монархического офицерства и кадетов, активное и действенное участие в заговоре кадетской партии, прокорниловскую позицию Временного правительства и его закулисные махинации. Рассмотренные материалы свидетельствуют о гениальной прозорливости В. И. Ленина, который уже в те напряженные дни, не располагая, естественно, сведениями о всех известных теперь актах врагов революции, безошибочно определил основные движущие силы заговора, подлинных его вдохновителей, организаторов и участников. Эти материалы убедительно подкрепляют также многие выводы советских исследователей о тайных действиях корниловцев и их союзников и позволяют внести новые существенные штрихи в общую картину подготовки и проведения корниловского мятежа.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ